

На правах рукописи

**Луков
Валерий Андреевич**

**Социокультурные основания субъектности
российской молодежи
(тезаурусная концепция молодежи)**

Специальность: 22.00.06 – Социология культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Москва – 2019

Работа выполнена на кафедре социологии Автономной некоммерческой организации высшего образования «Московский гуманитарный университет»

Официальные оппоненты: доктор социологических наук, профессор
Гегель Людмила Арнольдовна,
профессор кафедры государственного управления и социальных технологий
ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)»

доктор социологических наук
Омельченко Елена Леонидовна,
профессор Департамента социологии Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения, директор Центра молодежных исследований Санкт-Петербургского кампуса ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург)

доктор социологических наук, доцент
Федотова Надежда Николаевна,
профессор кафедры социологии
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Ведущая организация: **ФГБУН Институт социально-политических исследований Российской академии наук**

Защита состоится 18 декабря 2019 г. в 15.00 час. на заседании диссертационного Д 521.004.07 на базе АНО ВО «Московский гуманитарный университет» по адресу: 111395, Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 3, ауд. 511.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте www.mosgu.ru АНО ВО «Московский гуманитарный университет».

Автореферат разослан «_____» _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор философских наук

Ч.К. Ламажаа

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В первые десятилетия XXI века все более определенно в экономике, политике, культурной и духовной сферах ведущих стран и стран, стремящихся стать вровень с ними, проявляется феномен молодежи. Этот феномен за прошедший век существенно изменился: молодежь стала заметным носителем общественных отношений, соответствующих модификациям и коренной перестройке способов производства, трансформациям повседневного взаимодействия людей. Решительно преобразовалась и общественная среда, в которой формируется молодежь. Общество из инструмента сохранения, освящения и приемлемого использования социальной дифференциации и неравенства составляющих его людей, поддержания в соответствии с достигнутым способом производства социальной солидарности, передачи из поколения в поколение образцов, по которым строятся как актуальные эталоны основных сфер жизни, так и практики социализации в аспекте направленности этих эталонов в будущее, формирующие для этого схемы смены и преемственности поколений, — становится полем непредсказуемых действий, глобализации не только в экономике, но и культуре, инноваций, которые осуществляются вне пространства и времени, вне государственных границ, вне веками освященных культурных кодов и духовных основ. Культурная идентификация молодежи все более определенно утверждается как одна из основ национальной безопасности, а нерешенные вопросы в этой области — как соответствующие риски и вызовы, способные подрывать национальную безопасность «мирным» путем (технологии цветных революций, защиты прав человека, преодоление экологических нарушений, развитие студенческих обменов, профессионального и образовательного туризма, установление единых правил образовательного процесса, научных публикаций и т. д.).

Такие перемены в отношении к молодежи, ее понимании как субъекта социального действия, изменении статусно-ролевого предназначения молодежи в общественной жизни, наблюдались и раньше. Но этот взгляд не был доминирующим, его фрагменты, особенно в переходные эпохи, лишь оттеняли традиционный патернализм. Но в современном обществе (обозначаемом как постиндустриальное, информационное, сетевое, индивидуальное, «общество знаний», «общество риска» и т. д.) он выражает ведущую тенденцию, характерен для социальных практик подавляющего большинства стран мира, опирается на высокую социальную и культурную мобильность молодежи в мире.

В новых условиях сложившиеся в начале XX века теории молодежи, когда эта социальная группа стала выделяться среди других, составляющих социальную структуру общества и имеющих свои отличительные черты, в том

числе и в социокультурном смысле, а также теории, ставшие ответом на активное участие студенчества в политической жизни ряда стран Запада 1960-х годов («новое левое» движение, «студенческий бунт»), потеряли свой эвристический потенциал, потребовали коренного пересмотра. Появление теорий молодежи в конце XX – начале XXI века явилось отражением новых черт и нового положения молодежи в обществе. Эти черты, включая противоречивое сочетание возможностей трудоустройства молодежи, ее ценностные ориентации, стили жизни в зависимости от стран, регионов, принадлежности к социальным и культурным общностям, стали основой различий на уровне социальных теорий, в том числе теорий молодежи. В этом случае такие различия не составляют их недостаток, напротив, они в режиме взаимодополнительности позволяют точнее представить черты и свойства молодежи.

На теоретическом уровне все более определенно выделяется социокультурная субъектность молодежи, однако в современных условиях этого недостаточно, актуальным становится утверждение, что обретение такой субъектности и составляет атрибут молодежи. В этом направлении на практике перспективные направления общественного развития порождают ожидания от молодежи. Соответственно, актуальны и отражения нового положения молодежи на теоретическом уровне, прежде всего в субъектно-ориентированных социологических концепциях.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема, поставленная в диссертации, комплексная по своему характеру, многократно становилась предметом исследования, но в аспектах, которые, как правило, не строились на приоритете социокультурных оснований. Внимание к молодежной проблематике велико уже со времен глубокой древности, но до начала XX века это преимущественно внимание к должному воспитанию молодых людей (философские и педагогические аспекты; например, в древнекитайской книге «Ли цзи», IV–I в. до н. э., в «Государстве» Платона и т. д.), проблемам наследования имущества (юридические аспекты; например, в римском праве), передачи молодым поколениям духовного наследия (философско-религиозные аспекты; например, в идее совершенного человечества В. С. Соловьева), наследования языка как культурной основы этноса (филологические, этнографические аспекты; например, у В. Вундта, Х. Шурца), формирования «нового человека» (аспекты социального проектирования; например, в утопической литературе стран Европы эпохи Возрождения, проектах И. Ф. Струэнзе, И. И. Бецкого и др.). Фактически к романам Ж.-Ж. Руссо, особенно к «Эмилю» (1762), восходит формирование теорий молодежи в той части, которая индивидуальный период молодости ставит в контекст устанавливающих социальных связей и определенных жизненных

событий. С формированием социологии по существу только в марксизме ведется социально-классовая дифференциация молодежи, но и в этом теоретическом направлении очевиден акцент на экономико-политические аспекты ее характеристики.

Работы Г. Стэнли Холла, К. Грооса, В. Штерна, Ш. Бюлер, Э. Шпрангера и др., непосредственно посвященные молодежи и ознаменовавшие начало формирования теорий молодежи в начале XX века, строились на платформе психологии, получившей в то время широкое признание в научных сообществах, хотя в этих работах уже проявились черты междисциплинарности, в том числе постановки молодежной проблематики в контекст еще только начавшей свое выделение в качестве отрасли социологии — социологии культуры. Позже, уже в конце XX века, институционализировалась социология детства, но до определения ребенка как лица в возрасте до достижения совершеннолетия (т. е. в большинстве стран до 18 лет, а в ряде стран — и до 21 года) в Конвенции ООН о правах ребенка (1989 г.) в теориях молодежи детство не выделялось, и «пубертат» находился в той же проблемной области, что и молодежь.

Нараставшее внимание к молодежи в ключе социологии отмечается в послереволюционной России, в Германии, Австрии и некоторых других европейских странах в 1920-е годы (З. Беренфельд, К. Мангейм, И. А. Арямов, В. А. Зайцев, А. И. Колодная, А. Б. Залкинд и др., а также близкие к социологии психологи и педагоги, в том числе В. Штерн, Ф. Гизе, Э. Р. Иенш, О. Тумлирц, Л. С. Выготский, П. П. Блонский), в США в 1930–1940-е годы (П. Лазарсфельд, Т. Парсонс, В. Райх, с конца 1920-х годов — представители Чикагской социологической школы Ф. Трэшер, Х. Зорбо, Л. Вирт и др.). Наиболее значительны достижения в социологии молодежи в 1960-е — начале 1970-х годов, когда, с одной стороны, потребовалось объяснить бум молодежных выступлений в политике и культуре этого времени, охвативших всю Западную Европу, США и другие страны Запада, а с другой, заметные шаги к институционализации социологии молодежи (в частности, создание научных центров исследования молодежных проблем во Франции, Испании, Японии, Болгарии, Польше, Румынии, Чехословакии, СССР и других странах). Обобщения в области социологии молодежи в последние десятилетия XX века сделали Ю. Штиффер, Б. Шеффер и А. Шерр, Х. М. Гризе, Х. Кройц (Германия), О. Галлан (Франция) и др., которые показали, что к молодежной тематике обращались представители разных теоретико-методологических направлений (структурного функционализма, марксизма, символического интеракционизма, неофрейдизма и т. д., находя свои аспекты).

Работы по молодежной проблематике М. Мид, С. М. Липсета, Ф. Тенбрука, Ч. Рейча, Ш. Эйзенштадта, Т. Розака, Л. Розенмайра, Х. Кройца, Х. Лессинга

и М. Лебеля, Ю. Хартмана, Х. Шельски, К. Господинова, П.-Э. Митева, А. Райчева, Ф. Малера, В. Фридриха, К. Штарке, А. Матейовского, Ф. Харвата, Д. Холды, П. Сака, И. М. Ильинского, В. Н. Шубкина, В. Т. Лисовского и др. сохраняют свое значение и в начале XXI века. Сформировавшиеся научные школы, ИК 34 «Социологи молодежи» Международной социологической ассоциации, ряд общественных академий (например, Национальная академия ювенологии в Санкт-Петербурге) сыграли видную роль в формировании теорий молодежи, проведении серьезных эмпирических исследований в молодежной среде. Так, в России выделились научные школы ряда научных и образовательных организаций Москвы (Институт социологии РАН: М. К. Горшков, Д. Л. Константиновский, Г. А. Чередниченко и др.; Институт социально-политических исследований РАН: В. И. Чупров, Ю. А. Зубок и др. В 2019 г. эти организации были преобразованы и вошли в Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; МГУ им М. В. Ломоносова: И. М. Слепенков, В. Н. Добрынина, Т. Н. Кухтевич, позже А. Т. Гаспаришвили, Н. Л. Смакотина), Ленинграда/Санкт-Петербурга (А. Г. Харчев, В. Т. Лисовский, С. Н. Иконникова, И. С. Кон, В. Н. Боряз, Е. Г. Слуцкий, А. А. Козлов и др., в организационном плане — НИИКСИ ЛГУ, кафедра социологии молодежи и молодежной политики СПбГУ, Центр молодежных исследований Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ), Ульяновска (Е. Л. Омельченко, НИЦ «Регион»), Саранска (С. В. Полутин), Урала (В. Г. Мордкович, Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко), Сибири (В. Г. Немировский), Алтая (С. Г. Григорьев) и др. Видную роль в привлечении широкого круга социологов к изучению молодежи сыграли международные исследования. Значительный вклад в разработку проблематики молодежи, молодежного движения, молодежной политики внес Научно-исследовательский центр Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ (позже — Институт молодежи, ныне Московский гуманитарный университет) и научная школа молодежных исследований, сложившаяся на его базе вокруг И. М. Ильинского (исследования А. И. Ковалевой, В. Ф. Левичевой, Е. Е. Леванова, А. И. Шендрика, Ф. Э. Шереги, Б. А. Ручкина, в ключе международного молодежного движения — В. П. Мошняги, В. Ц. Худавердяна и др.). Выдвинутая И. М. Ильинским концепция государственной молодежной политики была реализована во многих правовых актах России на федеральном и региональном уровнях, в законодательстве ряда постсоветских стран. Позже тематикой молодежной политики успешно занимались российские социологи Л. А. Гегель, Е. Г. Слуцкий и др.

В первые десятилетия XXI века сложилась ситуация, когда социология молодежи, социология детства ведутся как на макросоциальном (М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги, В. И. Чупров, Ю. Г. Волков, С. Ковачева и др.), так и на микросоциальном уровне (Д. Л. Агранат, К. Зибас, С. Н. Майорова-Щеглова

и др.), в разных отраслях социологии — социологии социальной структуры (Ж. Т. Тощенко), социологии семьи (З. Х. Саралиева, М. В. Вдовина), социологии образования (И. С. Болотин, М. Б. Буланова, Г. А. Ключарев), экономической социологии (В. А. Гневашева, В. В. Радаев), политической социологии (Е. А. Гришина, Г. В. Морозова), социологии труда (Ж. Т. Тощенко, О. В. Ромашов), социологии социальной работы (И. В. Солодникова, Т. Жулковска, П. В. Романов), социологии культуры (О. И. Карпужин, Э. Ф. Макаревич, Н. А. Селиверстова) и др. Многие комплексные социальные проблемы включают разработку молодежного аспекта, в частности, проблемы социальной типизации (Г. Г. Татарова), социального проектирования (Г. А. Лукс), архаизации, неотрадиционализма в условиях модернизации (Ч. К. Ламажаа, Ю. В. Попков), социального влияния кино и телевидения (И. А. Полуэхтова), информационных технологий, новых средств коммуникации (Н. В. Проказина, Э. К. Погорский и др.), социальной инноватики и информатики (Б. Ф. Усманов, К. К. Колин).

С конца XX века и особенно в начале XXI века усилилось внимание исследователей к культурным аспектам молодежной проблематики, ценностным ориентациям молодежи. В работах Ш. Дж. Блэкмана, Н. Дэвис, Х. Пинкилтон, К. Уильямса, Б. Гэбски, Ю. А. Зубок, Е. Л. Омельченко, Л. А. Гегель, Е. Р. Ярской-Смирновой, С. В. Явон, Т. И. Яковук и др. социокультурный аспект становится крайне важным, на его основе строится эмпирическая часть исследований, но и теоретическим вопросам придается большое значение, в результате чего формируются рискологическая концепция молодежи, концепция культурной нормализации молодежи, концепция трансгрессии в духовной жизни молодежи, представление о нетипичных подростках и т. д., а также подходы в качественной стратегии молодежных исследований, учитывающие скрытую этнографию и другие специфические обстоятельства получения первичной социологической информации в молодежных сообществах, в том числе субкультурных.

Эти подходы оказались важными при анализе российских социокультурных перемен, сопровождавших изменение социального строя в 1990-х — 2000-х годах, в числе которых понимание российского общества как «общества травмы» (Ж. Т. Тощенко), выявление новой роли интеллигенции в социальной структуре (В. Ф. Левичева) и др.

Актуальность проблемы и многообразие ее решений в социологии и других социальных и гуманитарных науках определили цель и задачи данной работы, раскрытие социокультурных оснований субъектности в которой применительно к молодежи позволяют выдвинуть тезаурусную концепцию молодежи.

Объект исследования — российская молодежь.

Предмет исследования — социокультурные основания субъектности российской молодежи.

Цель диссертации — выявить социокультурные основания субъектности молодежи как формирующие начала тезаурусной концепции молодежи.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

— выявить определяющие черты тезаурусного подхода как субъектно-ориентированной социологической теории;

— сформулировать теоретико-методологические основы тезаурусного подхода к субъектности молодежи;

— дать классификацию теорий молодежи и выявить те из них, которые основываются на социальной и социокультурной субъектности молодежи;

— охарактеризовать социокультурную субъектность российской молодежи путем установления ее ведущих черт в современном обществе России;

— дать трактовку биосоциологии молодежи в аспекте ее социокультурной субъектности;

— предложить коррективы проектирования ожидаемой социокультурной субъектности молодежи в формах воспитания и государственной молодежной политики.

Гипотеза исследования: социокультурными основаниями субъектности российской молодежи являются: а) единство общественных и культурных условий, определяющих социализацию и повседневность молодежи; б) формирование идентичности со своим народом и с Россией в целом; в) наличие форм молодежного движения (организации, субкультуры, солидарности), позволяющих в коллективах осваивать социокультурную субъектность. Эти основания имеют на практике разную степень освоенности и неоднозначность проявлений в молодежной среде, что влияет на направленность и динамику социокультурных изменений в России.

Теоретико-методологическую основу исследования составили работы:

— для конструирования тезаурусной концепции молодежи использовались: теория функциональных систем и взаимодействия их компонентов в трактовке П. К. Анохина и К. В. Судакова; концепция «человека» А. А. Зиновьева; концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана; теория габитуса П. Бурдьё; теория фрейма И. Гофмана; концепция структуризации и социальных практик Э. Гидденса; концепции чужака Г. Зиммеля, Р. Парка, А. Щюца; концепция ноосферы В. И. Вернадского; концепция коэволюции человека и природы Н. Н. Моисеева; концепция тезаурусных сфер Вл. А. Лукова;

— для трактовки молодежи как феномена культуры использовались: теория молодежи Э. Шпрангера, концепция поколенческой динамики культурных изменений М. Мид, культурологические аспекты концепций социализации и преемственности поколений Т. Парсонса, Ш. Эйзенштадта, Ф. Тенбрука, культурно-историческая концепция Л. С. Выготского;

— для трактовки молодежи в связи с особенностями современного российского общества использовались: поздние марксистски ориентированные трактовки молодежи (концепции И. С. Кона, В. Фридриха, П.-Э. Митева, П. Сака, М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги), гуманистическая концепция молодежи И. М. Ильинского, концепция социализационной нормы А. И. Ковалевой, концепции молодежи В. И. Чупрова, Ю. А. Зубок, Е. Л. Омельченко, работы Л. А. Гегель, М. Б. Булановой, Е. Р. Смирновой-Ярской, С. Н. Майоровой-Щегловой;

— для теоретического обоснования положения о социокультурной субъектности молодежи использовались: работы М. Карвата и В. Миляновского, Т. Ф. Кузнецовой;

— для выявления свойств идентичности как социокультурного процесса использовались: работы З. Баумана, М. Кастельса, Ю. Хабермаса, Н. Н. Федотовой;

— для характеристики трансгуманизма и определения основ биосоциологии молодежи использовались: трактовки «трансгуманизма», «трансчеловека» и «постчеловека» в работах FM-2030 (псевдоним Ферейдуна М. Эсфендиари), Р. Эттингера, работы по социобиологии Э. О. Уилсона, трактовка человеческого потенциала Б. Г. Юдина, концепция гуманитарной экспертизы Б. Г. Юдина и П. Д. Тищенко;

— для общей трактовки основных положений отечественной социологии и социологии культуры использовались: работы Ж. Т. Тощенко, Л. Г. Ионина, А. Л. Маршака, А. И. Шендрика.

Эмпирической базой исследования послужили:

– всероссийский мониторинг «Российский вуз глазами студентов» (Союз негосударственных вузов Москвы и Московской области; 2000–2009 гг., с 2004 г. руководитель исследования Вал. А. Луков). Выборка целевая, объем 2500 ед. ежегодно, исследование проводилось в 15 регионах Российской Федерации;

– социологическое исследование отношения молодежи к технологиям «улучшения» человека (Институт философии РАН; Институт фундаментальных и прикладных исследований МосГУ; 2016–2018 гг., руководитель исследования Вал. А. Луков, руководитель полевой части анкетного опроса А. И. Ковалева). Выборка целевая, объем 733 ед., проводилось в 10 регионах Российской Федерации;

– анкетный опрос российской молодежи «Комсомол-100» (Институт фундаментальных и прикладных исследований МосГУ; май 2018 г., руководитель исследования Вал. А. Луков). Выборка квотная, N=1309. Проводился в 16 городах Российской Федерации;

– исследования «Молодежь–1995» — «Молодежь–2000» (Институт молодежи, 1995–2000 гг., исследования проведены под руководством А. И. Ковалевой, В. Ф. Левичевой, Вал. А. Лукова среди учащейся молодежи Москвы и Московской области;). Объем от N=1356 до N=805, выборка квотная;

– исследование «Особенности трудовой социализации подростков» (Московский центр труда и занятости молодежи «Перспектива», ноябрь–декабрь 2004 г.; руководители исследования А. И. Ковалева, Вал. А. Луков). Анкетный опрос подростков-посетителей «Ярмарки вакансий», N=835, выборка целевая; анкетный опрос учащихся 9–11 классов московских школ, N=346, выборка гнездовая; интервью с работающими подростками, N=52; экспертный опрос, N=105; полевые наблюдения за работающими подростками на улицах, вокзалах, станциях метро, рынках, других предприятиях торговли, автозаправках и др. — 13 ноября 2004 г. одновременно в 100 точках города с 10.00 до 23.00 часов;

– исследование «Читательская аудитория еженедельника “Собеседник”» (Институт молодежи, октябрь 1995 г., руководители В. Ф. Левичева, В. А. Луков). Форма эмпирической части исследования: почтовый опрос, получены ответы 1196 читателей из почти 100 городов и сел России;

– исследование читательской аудитории журнала «Смена» (апрель–май и август–сентябрь 1996 г., руководители исследования В. Ф. Левичева, Вал. А. Луков). N=1977, стандартизированное интервью 377 читателей, в том числе групповое интервью 81 семьи, 9 читательских конференций; интервью 72 киоскеров, 29 библиотекарей, прессовый опрос 1314 читателей из более 100 населенных пунктов России по «малой анкете», почтовый опрос 257 читателей по «большой анкете», разосланной подписчикам по выборке, соответствующей структуре подписки;

– мониторинговое исследование «Адаптация первокурсников к условиям обучения в вузе» (Институт фундаментальных и прикладных исследований и кафедра социологии МосГУ, 2010–2015 гг.; руководители исследования А. И. Ковалева, Вал. А. Луков). Тип опроса — сплошной. Общий объем числа опрошенных — 1670 чел., в том числе: сентябрь 2010 г., N=168; сентябрь–октябрь 2011 г., N=181; сентябрь–октябрь 2012 г., N=176; сентябрь–октябрь 2013 г., N=214; октябрь 2014 г., N=494; сентябрь–ноябрь 2015 г., N=437;

– мониторинговое исследование «Учебно-воспитательный процесс в оценках студентов» (Институт фундаментальных и прикладных исследований и кафедра социологии МосГУ, 2010–2019 гг.; руководители исследования

А. И. Ковалева, Вал. А. Луков). Выборка квотная. Общий объем числа опрошенных — 5259 чел., в том числе: апрель 2010 г., N=780; апрель 2011 г. N=549; март–апрель 2012 г. N=953; апрель-май 2013 г., N=483; апрель-май 2014 г., N=673; апрель-май 2015 г., N=624; апрель-май 2016 г., N=568; май 2019 г., N=629;

– исследование «Отношение современной молодежи к Великой Отечественной войне: демифологизация отечественной истории» (Институт фундаментальных и прикладных исследований и кафедра социологии МосГУ, 2013 г.; руководитель исследования Вал. А. Луков). Выборка целевая, N=525; исследование проводилось в 10 городах РФ;

– лонгитюдное исследование «Первокурсник — третьекурсник — выпускник МосГУ» (Институт фундаментальных и прикладных исследований и кафедра социологии МосГУ, 2004–2009 гг., руководители исследования А. И. Ковалева, Вал. А. Луков). Выборка двухступенчатая, на последнем этапе сплошной опрос. Всего опрошено 117 человек в период их обучения на 1, 3 и 5 курсах университета;

– исследование «Рынок социальных услуг для молодежи Московской области» (Московский гуманитарный университет, 2006 г., руководители исследования А. И. Ковалева, Вал. А. Луков). Выборка квотная. N=1084, респонденты в возрасте от 15 до 30 лет, жители больших и малых городов, поселков и деревень Московской области. Опрос проводился в 10–11 классах общеобразовательных школ, в техникумах, колледжах, лицеях, гимназиях и на разных курсах вузов Московской области;

– исследование «Отношение марьинской молодежи к молодежным организациям» (Московский гуманитарный университет, 2007 г., руководители исследования А. И. Ковалева, Вал. А. Луков). Выборка целевая — молодежь в возрасте 14–30 лет, проживающая в муниципальном образовании Марьино, Москва. N=154;

– мониторинговое исследование «Детское движение Москвы: состояние и перспективы развития» (Центр социально-общественных инициатив «Мое Отечество», 2007–2009 гг., руководители исследования А. И. Ковалева, Вал. А. Луков). N=2009. Выборка целевая;

– исследование «Дети улиц: состояние и проблемы» (ЮНИСЕФ, 2008 г., руководители исследования А. И. Ковалева, Вал. А. Луков). Интервью со 105 «детьми улиц». Выборка целевая. 2 фокус-группы в социальном приюте для детей и подростков «Ступино». Экспертный опрос: N=28 компетентных лиц. Контент-анализ 416 личных дел детей, анализ документов — 75 актов законодательства 1985–2008 гг.;

– обзор литературы «Молодежь в России» (Тематическая группа ООН по молодежной политике, 2010 г., адаптирован Вал. А. Луковым и др.), 7 групп источников в изданиях на английском языке;

– анализ студенческих эссе и анкет, присланных участниками конкурса, по итогам которого отбирались кандидатуры для участия в молодежном форуме «Terra Politicae» (Московская гуманитарно-социальная академия, 2000–2002 гг., науч. руководитель Вал. А. Луков). Всего было изучено 417 эссе и анкет;

– исследование «Курсанты вузов МВД» (Московская гуманитарно-социальная академия, 1999–2004 гг. науч. руководитель Вал. А. Луков). Проанализировано около 1000 документальных фрагментов;

– исследование «Компьютеризация средней школы как фактор межпоколенческих социокультурных различий» (Институт молодежи, 1995 г.; науч. руководитель Вал. А. Луков). По методу символического пространства опрошено 268 чел. — школьников, их родителей, учителей.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем:

— разработана тезаурусная концепция молодежи на основе последовательной связи положений концепции с трехчастной трактовкой молодежи (социальная общность; ее тезаурусы; ее вещный и символический мир);

— выявлены: суть тезаурусов как ориентационных и сверхориентационных ментальных комплексов социального субъекта, факторы конструирования тезаурусов, их элементы, структура, свойства, область применения в социологии, а также тезаурусная теория показана в ряду субъектно-ориентированных социологических теорий как основывающаяся на выдвижении на передний план социокультурной субъектности — активной и автономной от других социальных и культурных факторов роли социального субъекта в сохранении и преобразовании общества в его конкретно-исторической форме;

— установлено, что тезаурусный подход к молодежи основывается на признании социокультурной субъектности основным приобретаемым свойством молодежи, преодоление неполноты которого составляет суть ее самореализации в обществе и отношения других возрастных групп к ней; исходя из этого показано, что «свое-чужое-чуждое» как первоэлементы тезауруса отличаются в молодежной среде и могут быть изучены социологией культуры через анализ ценностных ориентаций, идентичностей и инновационной активности молодежи; поскольку освоение субъектности молодежью осуществляется прежде всего в коллективных формах, для понимания молодежи наибольший результат способны дать исследования форм молодежного движения (организации, субкультуры, солидарности);

— проведена классификация теорий молодежи на основе дифференцирующего их признака; выявлены теории молодежи, которые основываются на ее социокультурной субъектности;

— охарактеризована социокультурная субъектность российской молодежи, ведущие черты которой в современном российском обществе определяют: противоречивое сочетание коллективизма советской эпохи и индивидуализма постсоветского периода; большой разрыв образов и стилей жизни городской и сельской молодежи, молодежи, проживающей в мегаполисах и малых городах и поселениях, в культурных центрах и на периферии; принципиальное сходство конфигурации ценностных ориентаций в различных социальных и культурных средах российских территорий;

— разработано представление о биосоциологии молодежи в аспекте ее социокультурной субъектности;

— определены полярные признаки изменений в идентификации молодежи и на этой основе задачи воспитания, а также проектирование государственной молодежной политики поставлены в связь с ожидаемой социокультурной субъектностью молодежи.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В тезаурусном подходе молодежь трактуется в трех ракурсах:

— как социальная общность, ведущим признаком которой является освоение социокультурной субъектности; люди, составляющие эту общность, имеют социальный статус и идентифицируют себя с молодежью, а также их признают за молодежь другие субъекты социокультурной деятельности;

— тезаурусы (ориентационные и свехориентационные ментальные комплексы), распространенные в этой социальной общности;

— соответствующий этой социокультурной общности символический и предметный мир.

Основными положениями тезаурусной концепции молодежи в аспекте социологии культуры являются:

— выделение освоения и присвоения социокультурной субъектности в качестве *differencia specifica* молодежи;

— необходимость для успешной ориентации в окружающей среде создания нового знания в условиях неполного освоения молодежью социокультурных знаний, социальных и культурных практик и институтов, присущих данному социокультурному типу общества, умения адаптироваться к их ценностно-нормативным системам и изменять их в соответствии с культурными картинами мира;

— трактовка механизмов такого неполного освоения, которыми выступают: а) динамично изменяющиеся конструирование и проектирование социальной реальности; б) совмещение нескольких тезаурусных генерализаций;

в) выбор одной из них, подходящей в данных обстоятельствах; г) достраивание реальности; д) переструктурирование условий среды;

— дифференциация новационных свойств, инновационного потенциала и инновационных возможностей молодежи.

2. Тезаурус представляет собой полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для его ориентации в окружающей природной и социокультурной среде, а также для самоопределения, творчества, инноваций, что сопрягается с социокультурными обновлениями; этот состав знаний направлен на расширение понимания субъектом себя и мира.

Ориентация и свехориентация, конструируя социальную реальность в равной мере, обеспечивают приспособление социального субъекта к среде и изменение ее в своих интересах. Эти интересы осознаются как верные, независимо от их действительного содержания. Опираясь на тезаурус, социальный субъект сам изменяется, осваивая и формируя образ должного.

Основные факторы конструирования тезаурусов: гендерный, возрастной, статусно-ролевой, культурный факторы, фактор образования, фактор образа и стиля жизни. Структура тезауруса, строящаяся на первоэлементах «свой», «чужой» при блокировании или критики первоэлемента «чуждый», обеспечивает относительную константность субъекта в разнообразных социальных и культурных связях и действиях. В соответствии с ценностями субъекта и принятой им культурной картиной мира его тезаурус проявляет свойства функциональной системы, обеспечивая жизнеспособность целого; тезаурусы оседают в пластах культуры и способны периодически актуализироваться в режиме мерцания. В таких формах проявляются свойства тезауруса, их полярность (целостность-мозаичность; устойчивость-изменчивость; расширяемость-сжимаемость; фрактальность-событийность). В актуальной ситуации активизируется композиция из концептов, тезаурусных конструкций, эталонных событий, культурных констант и т. п., составляющая тезаурусную генерализацию.

Как одна из субъектно-ориентированных социологических теорий тезаурусная теория выдвигает на передний план социальную (социокультурную) субъектность в качестве активной и автономной от других социальных и культурных факторов роли человека и его контактных и неконтактных общностей в сохранении и преобразовании общества в его конкретно-исторической форме, чем и определяется область применения тезаурусного подхода в социологии, в том числе в социологии молодежи и социологии культуры.

3. Социокультурная субъектность молодежи является основным приобретаемым ею социальным и культурным свойством, преодоление

неполноты которого составляет суть ее самореализации в обществе и отношения других возрастных групп к ней. «Свое-чужое-чуждое» как первоэлементы тезауруса отличаются в молодежной среде и могут быть изучены социологией культуры через анализ ценностных ориентаций, идентичностей и инновационной активности молодежи, включая, прежде всего, коллективные формы молодежного движения (организации, субкультуры, солидарности). Социальная субъектность и генетически, и системно не может быть выявлена и интерпретирована вне ее объективных оснований — социально-экономических, культурных, политических условий, образе и стиле жизни, ценностно-нормативной системы и др. Эти объективные основания выступают как рамка достижимого уровня субъектности, в том числе и применительно к молодежи.

4. Классификация теорий молодежи включает: а) биологически и психологически ориентированные теории молодежи, в которых молодежь представлена как носитель психофизических свойств молодости (Г. С. Холл, Ш. Бюлер, В. Штерн, Э. Эриксон и др.); б) культурологически и антропологически ориентированные теории молодежи, в которых молодежь характеризуется как феномен культуры (Э. Шпрангер, Ш. Эйзенштадт, М. Карват, В. Миляновский, М. Мид др.); в) социологически ориентированные теории молодежи, где она рассматривается в контекстах социальной структуры, социальных институтов и процессов (Т. Парсонс, И. С. Кон, П.-Э. Митев, В. Фридрих, И. М. Ильинский, М. К. Горшков, Л. Розенмайр, Ф. Малер, Л. Махачек и др.). В числе теорий молодежи всех трех групп имеются теории, которые основываются на ее социокультурной субъектности. Из них наиболее последовательны гуманистическая концепция молодежи И. М. Ильинского, концепция культурной нормализации молодежи Е. Л. Омельченко, рискологическая концепция молодежи Ю. А. Зубок. Разные трактовки молодежи в этих теориях представляют по принципу дополнительности ее социокультурную субъектность.

5. Социокультурная субъектность молодежи в современном российском обществе основывается на 1) противоречивом сочетании коллективизма советской эпохи и индивидуализма постсоветского периода; 2) большом разрыве образов и стилей жизни городской и сельской молодежи, молодежи, проживающей в мегаполисах и малых городах и поселениях, в культурных центрах и на периферии, чему соответствует и разрыв в реализации социальной субъектности в зависимости от достигнутого уровня развития территории в аспекте информационного общества (цифровой экономики и т. д.); 3) принципиальном сходстве конфигурации ценностных ориентаций в различных социальных и культурных средах российских территорий. Этим определяется инновационный потенциал российской молодежи, который ее

новационные свойства может реализовать в пределах того, насколько масштабны, концептуально и технологически обеспечены инновационные возможности молодежи. Различие таких возможностей (территориальное, культурное и т. д.), их амбивалентность и сочетаемость в них противоположных мотиваций лежат в основе временного проявления протестных действий молодежи на низком уровне даже при накоплении протестного потенциала.

6. Концептуальная модель биосоциологии молодежи основана на том, что в этой социальной группе, ее тезаурусах и картинах мира человеческая природа еще не подверглась глубокой и многосторонней обработке культурой (исключая социализацию, в меру ее освоения на каждом возрастном этапе и в соответствии с особенностями данного общества: молодежь подверглась социализационному воздействию, но оно еще не зацементировалось в тезаурусах). Подвижность, вариативность тезаурусных конструкций в сочетании с расширяющимися возможностями молодежи по проявлению социокультурной субъектности определяет перспективы изменений в обществе и человеке в аспекте биосоциологии в XXI веке.

7. Коррективы в проектировании сферы воспитания и в области государственной молодежной политики эффективны в той мере, в какой они предполагают при целенаправленном строительстве ожидаемой субъектности новых поколений учет ведущих признаков изменений в идентификации молодежи, а также разделения новационных свойств, инновационного потенциала, инновационных возможностей молодежи. В этом направлении проектный подход, утвердившийся в государственной молодежной политике с 2000-х годов, в большей мере будет учитывать роль той парадигмы воспитания, которая основывается на формировании социокультурной субъектности молодежи в коллективе сверстников.

Практическая значимость приведенных результатов исследований.

Тезаурусная концепция молодежи может применяться как основа концептуализации в документах государственной молодежной политики, в том числе в принимаемых на федеральном уровне концепциях, законопроектах, актах законодательства федеральных органов исполнительной власти, в разработке поправок к Концепции государственной информационной политики России, других положений концептуального характера, предусматривающих разделы, пункты относительно молодежи, а также в соответствующих документах иных уровней управления.

Предлагаемая концепция и другие результаты исследования могут использоваться в учебном процессе образовательных организаций высшего образования, при разработке и чтении курсов общей социологии, социологии

молодежи, социальной ювенологии, социальной работы с молодежью, социологии культуры.

Апробация. Основные результаты исследования опубликованы в 73 работах объемом 380,0 п. л., в том числе 28 статьях в рецензируемых научных изданиях (Перечень ВАК РФ), 5 статьях в журналах, входящие в международные базы данных Scopus и WoS, 19 монографиях. Основные положения диссертации были изложены в докладах, сделанных автором на научных конференциях, в том числе *на международных* — на 15-ти Международных научных конференциях «Высшее образование для XXI века (Москва, 2004–2017 гг.), международной научной конференции «Edukacja humanistyczna: wyzwanie i rzeczywistość» (Мендзыздрое, Польша, 2000 г.), конференции ЮНЕСКО «Social Justice in Healthcare: Bioethics and Human Rights» (Москва, 2005 г.), международной научной конференции «Voices and Values of Young People» (Ювяскюле, Финляндия, 2007 г.), международной научной конференции «Социокультурные факторы национальной безопасности России» (Москва, 2015 г.), V Международной научной школы для молодежи (Белгород, 2016 г.), 14-ой Международной конференции «Биотехнологическое улучшение человека: социально-этические проблемы» (Москва, 2017 г.), международном симпозиуме, посвященном 25-летию Русской секции Международной академии наук (Москва, 2017 г.), международной научной конференции «XXX Пуришевские чтения “Тезаурус и личность ученого”» (Москва, 2018 г.); *общероссийских (национальных)* — Всероссийской научно-практической конференции «Современная российская молодежь: от стихийной самоорганизации к целенаправленному формированию субъектности» (Белгород, 2007 г.), Всероссийской научной конференции «Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения» (Москва, 2015 г.), Общероссийском форуме «Государство и гражданское общество: сотрудничество во имя развития» (Москва, 2015 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Внедрение эффективных моделей организационно-методического обеспечения программ воспитания детей и молодежи, содействующих повышению их социальной активности и временной занятости, основанных на правовой грамотности и навыках самоуправления» (Москва, 2015 г.), Общероссийских (национальных) научных конференциях «I Моисеевские чтения: Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации», «II Моисеевские чтения: Культура как фактор национальной безопасности России» (Москва, июнь 2018 г., июнь 2019 г.), Общероссийской (национальной) научной конференции «III Академические чтения памяти Вл. А. Лукова “Тезаурусы и проблемы культуры”» (Москва, апрель 2019 г.) и др., а также в выступлениях по молодежной проблематике, исследованиям мировой культуры и исследованиям молодежи в Болгарии,

Германии, Италии, Нидерландах, Польше, Чехии, Финляндии, Белоруссии, Латвии, Казахстане, Украине и др., российских городах Белгороде, Братске, Орле, Нижневартовске, Нижнекамске, Рязани, Стрежевом, Санкт-Петербурге и др.

Научные проекты по молодежной проблематике под руководством или с участием соискателя поддержаны научными фондами, в том числе: *Российским гуманитарным научным фондом* (РГНФ) — «Образ российской молодежи в современном мире: ее самосознание и социокультурные ориентиры» (№ 07-06-03402г, реализован в 2007 г.), «Создание и развитие информационного гуманитарного портала “Знание. Понимание. Умение”» (№ 06-03-12301в, реализован в 2006–2008 гг.), «Постоянно действующий семинар “Школа методологии социальных исследований А. А. Зиновьева”» (№ 06-03-14081г., реализован в 2006 г.), «Российский вуз глазами студентов» (№ 06-03-03208е, реализован в 2006 г.), «Организация и проведение II Молодежной научной конференции “Гражданское общество в эпоху глобальной информатизации”» (№ 10-06-06846-моб_г, реализован в 2010 г.), «Информационно-исследовательский портал “Человеческий потенциал России”» (№ 09-03-00798в/Р, реализован в 2009–2011 гг.), «Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений» (№ 11-33-00229а1, реализован в 2011–2013 гг.), «Тезаурусный анализ в гуманитарном знании» (№ 12-33-01055а1, реализован в 2012–2014 гг.), «Электронная энциклопедия “Социология молодежи”» (№ 15-03-12-019в., реализован в 2015–2016 гг.); *Российским фондом фундаментальных исследований* (РФФИ) — «Организация и проведение молодежной научной конференции “Гражданское общество в эпоху глобальной информатизации”» (№ 09-06-06816-моб_г, реализован в 2009 г.), «Теории молодежи: междисциплинарное исследование» (№ 07-06-00069, реализован в 2007–2009 гг.), «Биосоциология молодежи: теоретико-методологические основания» (№ 11-06-00483-а реализован в 2011–2013 гг.); *Российским научным фондом* (РНФ) — «Гуманитарный анализ биотехнологических проектов “улучшения” человека», (№ 15-18-30057, реализован в 2015–2017 гг.).

Положения диссертации в области государственной молодежной политики апробированы соискателем как участником концептуальной части работ над проектом Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики СССР» (принят в 1991 г.), ряда законодательных актов РФ, включая разработку Федеральных законов «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (принят в 1995 г.), «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» (принят в 1998 г., соискатель — руководитель рабочих групп ГД по этим законам), ряда законов субъектов

Российской Федерации, нормативных правовых актов Правительства РФ, а также государственных докладов о положении молодежи для руководства России (руководитель третьего, четвертого и пятого докладов).

Соответствие темы диссертации требованиям Паспорта научных специальностей ВАК. Исследование проведено в рамках Паспорта научных специальностей ВАК Министерства науки и высшего образования РФ по специальности 22.00.06 — Социология культуры, духовной жизни. Тематика диссертации соответствует пп. 6. Социальная динамика культуры. Социальные механизмы преемственности и инноваций в культуре. 7. Проблема субъекта культурных изменений.

Структура диссертации. Диссертация включает 438 страниц, в которые входят Введение, четыре главы и Заключение общим объемом 369 страниц, а также список источников и литературы, в котором содержатся библиографические данные 850 опубликованных на русском и иностранных языках (английском, немецком, французском, болгарском, польском, румынском, чешском, словацком, украинском и др.) книг и статей, которые использованы при подготовке диссертации.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** характеризуются актуальность темы исследования, степень разработанности проблемы, объект и предмет исследования, цель и задачи, решаемые в диссертации, выдвигаемая гипотеза, теоретико-методологическая основа исследования, примененная эмпирическая база; выявляется научная новизна исследования, которой соответствует систематизация основных положений, выносимых на защиту; показывается практическая значимость приведенных результатов исследований. Во Введении даются также сведения об апробации диссертации в публикациях, выступлениях на международных и общероссийских (национальных) конференциях, научных проектах, поддержанных грантами государственных научных фондов; о соответствии темы диссертации требованиям Паспорта научных специальностей ВАК и структуре диссертации.

Глава 1 **«Теоретико-методологические основы тезаурусного подхода к субъектности молодежи»** выявляет суть предлагаемой концепции и ее характеристики в аспекте социологии культуры. В ней раскрывается тезаурус как источник и результат социокультурной субъектности, показано место тезаурусной концепции молодежи среди теорий молодежи как способов понимания ее места и роли в обществе, а также методология тезаурусного подхода в применении к исследованию социокультурной субъектности молодежи.

Тезаурус в аспекте социологии культуры в общем виде понимается как структурированное представление и общий образ той части культуры (мировой, национальной, субкультуры и т. д.), которую может освоить субъект. Это содержание отражается и в соответствующем понятии (не совпадающем с теми, что применяются в лингвистике и информатике). По определению тезаурус в аспекте социологии культуры не обладает полнотой, т. е. не отражает культуру в полном ее объеме, но для субъекта он полон, целостен, поскольку конструирует реальность в соответствии с задачами ориентации в ней и ценностным ее представлением. Ядром тезауруса, ценностей, сосредоточенных в нем, выступает культурная картина мира. В диссертации показано, что при всей дифференциации социальных слоев общества и его наличных условий, которые могут существенно отличаться от прошлого, культурная картина мира в своей основе достаточно постоянна для определенных тезаурусов, поскольку зиждется на культурных константах, т. е. относительно устойчивых представлениях данного субъекта о себе и окружающей среде, формирующихся применительно к индивидуальному уровню в начальной стадии социализации (первичной социализации), а применительно к групповому уровню — на традиции или формализованных правилах поведения (ведения дел), принятых в данной обществе. Вербальное

подтверждение этого вывода (в формах анкетного опроса, интервью и т. д.) может искажать эмпирические данные в силу нормативного влияния и нелогического характера картин мира. Соискатель, основываясь на разработанном им невербальном методе символьного пространства, показывает сохранение базовых черт культурных картин мира при межпоколенческих различиях, возникающих под действием возникающих независимо от субъекта факторов, например, фактора компьютеризации школы.

В диссертации также показана специфика ценностного отношения в ее языковом выражении. Она состоит в том, что знаниевая конструкция тезауруса строится на концептах, отличающихся от логических понятий: концепты конструируются на сочетании мысли о вещи, свойстве, отношении, что характерно для понятий в логике, и ценностного восприятия этого рационального свойства на уровне эмоции и образа. Подобно магниту, концепт притягивает одни смыслы и отталкивает другие, формируя смысловые гнезда. Их взаимопротяжение и взаимоотталкивание, преимущественно полевое по типу связи, выстраивает структуру тезаурусного знания, ее иерархическую или сетевую конструкцию в зависимости от того, какая больше подходит в данной актуальной ситуации для обеспечения ориентационных либо сверхориентационных (направленных на развитие, творчество) задач социального субъекта.

Полевой подход в этом случае применяется к слабо формализованным связям сфер жизнедеятельности, где субъект не ставит своей целью обнаружить их несогласованность и преодолеть ее путем изменения этих сфер. При полевом подходе они могут и далее существовать вне искусственно навязанной им согласованности: субъект не придает значение этому обстоятельству и не отражает его в своей системе знаний на уровне тезауруса. Этим обеспечивается и специфика построения такой системы.

В тезаурусе знания дифференцируются и структурируются не по линии «общее-частное», а по ценностному разделению «своего и «чужого». Во взаимодействии данного тезауруса с другими тезаурусами включается третий первоэлемент, каким в определенном контексте, особенно культурном, становится «чуждое». Оно неприемлемо для субъекта, его культурной картины мира и отторгается, критикуется, видится как ничтожное или, напротив, как содержащее опасность. Взаимоотношения трех первоэлементов тезауруса — ценностные, их разделение важно для субъекта, но не обязательно основывается на объективном противопоставлении. В свете этого ценностного разделения могут быть структурированы культурные картины мира субъектов совершенно иначе, чем строится объективное знание об одних и тех же явлениях и процессах, воспринимаемых субъектами, даже пребывающими в непосредственной близости друг от друга, составляющими малые группы

(в социологическом смысле). В частности, эмпирически подтверждается связь признания «интересного» (т. е. вызывающего положительное ценностное отношение) людьми в одном и том же молодом возрасте от их самоидентификации с поколением «отцов» или поколением «детей», что свидетельствует о субъектной основе структурирования тезаурусов.

Трактовка тезауруса в аспекте ценностных отношений определяет, как показано в диссертации, суть применения тезаурусного подхода к пониманию феномена молодежи. Для тезауруса характерно, что в период своего становления он подвижен, легко сочетает разные, порой по видимости противоположные тезаурусные генерализации, за которыми просматриваются разные жизненные траектории как индивидов, так и социальных общностей. Эта подвижность тезаурусов и одновременно высокий уровень включенности в социальные практики характерны для периода молодости, а в обществе начиная со становления объективных и субъективных признаков выделения в социальной структуре молодежи — и для нее как определенного социального слоя. Свойства мерцающего тезауруса недолгие, исчерпаемые, имеющие разную глубину в зависимости, прежде всего, от исторических событий, ведущих к переориентации всех слоев общества (войны, революции и т. д.), а также событий меньшего масштаба, имеющих место на уровне отдельных территорий, а также в ближайшем кругу социального субъекта, ориентированные в соответствии со сферами жизнедеятельности (экономической, политической, культурной и др.). Данные исследований, проведенных в молодежной среде по вопросам исторической памяти, показали перенос от участников тех или иных событий ценностной информации молодежи, которая не могла застать эти события и субъектно формирует ориентацию на них. Оценка таких событий (позитивная или негативная) не означает, что в тезаурусах большинства молодежи она основана на информированности об объективных фактах истории (имена участников, последовательность и суть событий), на демифологизации истории. Сообщения СМИ и проникновение в молодежную среду художественных вымыслов, создаваемых по принципам «альтернативной истории», в том числе неприемлемой («чуждой») для участников событий, имеют двойственное воздействие на тезаурусы молодежи: особенно младшие группы склонны доверять таким информационным атакам. Но в ценностном отношении устоявшееся разделение «свой-чужой» в новых поколениях в основном сохраняется. Так, грубые нападки на комсомол в СМИ, начавшиеся в 1980-х годах и не закончившиеся ныне, в ценностном отношении не воспроизводятся новыми поколениями, хотя восстановление комсомола не представляется молодежи возможным и не связывается с актуальными задачами российского общества. Тем не менее, исследования начала века и спустя почти два

десятилетия показывают, что значительная часть молодежи высказывается за создание крупной молодежной организации общероссийского характера (в исследовании 2018 г. это мнение высказали 57,5% респондентов, хотя вступили бы в такую организацию лишь 35,7%). Это обстоятельство, следовательно, необходимо трактовать как «отнесение к ценности» (М. Вебер).

Становление социокультурной субъектности молодежи осмыслено также по аналогии с расширяющимися кругами: первоначально оно связано с признанием «своим» ближайшего окружения — семьи, школы, вуза, ровесников, друзей, вероятных сексуальных партнеров и т. д. Лишь по мере освоения этого круга (нередко оцениваемого очень низко внешними наблюдателями, экспертами, инспекторами) молодые люди, молодежные объединения, организации с молодежным составом и другие общности проявляют свою социокультурную субъектность в более широком круге, опираясь на полученную практику или критически пересматривая ее. Эмпирически подтверждено на отношении студентов к «своему» вузу и становлении их нормативно-ценностной ориентации данное представление о последовательности этапов освоения социокультурной субъектности.

В диссертации устанавливается место тезаурусной концепции молодежи среди многочисленных теорий молодежи XX и начала XXI века. Рассматриваются прототеории молодежи (начиная с древнекитайских источников, дающих трактовку ритуала, диалогов Платона, понимания молодого человека как объекта воспитания у Ж.-Ж. Руссо, темы смены поколений у первых социологов позитивистского направления, классовой дифференциации молодежи в марксизме, понимания В. И. Лениным задач молодежного движения и др.). Важным контекстом для тезаурусной концепции молодежи выступают теории молодежи, возникающие в начале XX века, поскольку в этот период еще не произошло закрепления барьеров наук, разделенных по объекту, предмету и методу, и в теориях молодежи хорошо просматриваются междисциплинарные связи.

Теории XX века представлены в диссертации с выделением трех групп. Первую составляет группа биологически и психологически ориентированных теорий. Эти теории складываются под влиянием органицизма и психологизации гуманитарного знания, свойственных науке начала XX века. В них молодежь еще не выступает в спектре своих качеств, а рассматривается преимущественно в ракурсе психофизических свойств молодости, т. е. в концепциях, относимых к этой группе, фигурирует не социальная группа как таковая, а определенный период жизни индивида. В диссертации анализируются первая теория такого рода, выдвинутая Г. Стенли Холлом, а также книги и статьи К. Грооса, В. Штерна, З. Беренфельда и др. Особенно подробно показана книга Ш. Бюлер «Душевная жизнь юных» (1922), где психологическая основа тесно

переплетается с социологическими аспектами выдвигаемой автором теории молодежи, которая, по существу, носит междисциплинарный характер. К этой группе также отнесены работы, выполненные на основе или с привлечением фрейдизма, в том числе трактовки молодежной проблематики в рамках фрейдомарксизма (В. Райх, А. Б. Залкинд, Г. Маркузе), эпигенетическая концепция Э. Эриксона, концепция развития интеллекта Ж. Пиаже, теории, основанные на идеях педологии (как многоаспектном представлении о развитии ребенка) и др.

Вторая группа теорий молодежи выделена через их ориентацию на вопросы культурологии и антропологии. В них молодежь предстает феноменом культуры и рассматривается через совокупность присущих ей культурных свойств и функций. Представители первой группы не игнорировали фактор культуры в своих исследованиях и сформированных теориях молодежи, но все же для большинства из них культурный фактор вторичен, менее существен по сравнению с биопсихическими свойствами молодежи. Для авторов второй группы теории проблемы физиологии и психологии юности вовсе не безразличны, но все же оказываются на периферии их исследовательского интереса. В этой связи в диссертации рассматриваются теория молодежи, выдвинутая Э. Шпрангером в книге «Психология юношеского возраста» (1924), а также этнографические труды А. Радклифф-Брауна, Б. Малиновского, Р. Бенедикт в части отражения социализационной нормы в обряде инициации, концепция М. Мид о способах передачи культуры от поколения к поколению, субкультурное осмысление молодежи, включая теорию социализации Т. Парсонса. Специально в кругу теорий второй группы выделена концепция «возрастных групп» (age groups) Ш. Эйзенштадта, которую он развил, опираясь на положения ранних работ Т. Парсонса, в книге «От поколения к поколению» (1956). Это обстоятельное академическое исследование в 1960-е годы активно повлияло на развитие теорий молодежи. В этом плане также показаны концепции Ф. Тенбрука, Т. Роззака, Ч. Рейча, Г. Шельски. Обращено внимание на то, что молодежь трактуют как феномен культуры польские социологи М. Карват и В. Милянковский, формируя концепцию политических молодежных организаций: социальная субъектность выступает в их трактовке как источник молодежного движения.

Третью группу составляют социологически ориентированные теории молодежи. В них, разделенных в диссертации по методологической ориентации в соответствии с «линией Маркса» и «линией Мангейма», молодежь представлена в ее отношениях с социальными реалиями. Особое внимание уделено поздним марксистским трактовкам молодежи. Выявлены подходы к социальной концепции молодежи у Г. Бекера, С. М. Липсета, Л. Розенмайра, российских исследователей И. С. Кона, С. Н. Иконниковой, В. Н. Шубкина,

В. Т. Лисовского, В. Н. Боряза. Обстоятельно рассмотрены концепции В. Фридриха, П.-Э. Митева, Ф. Малера, лежавшие в основе работы научно-исследовательских институтов по проблемам молодежи, которые были созданы, соответственно, в ГДР, Болгарии, Румынии. Охарактеризованы социологические исследования, проводившиеся аналогичными по тематике институтами и группами ученых в Польше, Чехословакии в ракурсе реализации в этих исследованиях концепций молодежи, относимых к третьей группе. Показано, что в новых исторических условиях произошло смещение акцента молодежных исследований в европейских странах, отошедших от социализма, но культурный аспект в них все же сохранился, а в некоторых случаях усилился и стал основой сравнений молодежи стран Европы.

В диссертации развитие новых теорий молодежи в конце XX — начале XXI века раскрывается на материале отечественной социологии в связи с задачей установить возможности применения методологии тезаурусного подхода к исследованию социокультурной субъектности молодежи. Отмечая многообразие таких концепций, диссертант показывает, что ряд теорий (в том числе концепции И. М. Ильинского, Е. Л. Омельченко, Ю. А. Зубок) наиболее последовательно проводят положение о социокультурной субъектности молодежи.

Так, И. М. Ильинский, выдвигая теорию молодежи (называемую диссертантом «гуманистической» на основе ее ведущих принципов и вытекающих положений формировавшегося в 1987–1991 гг. законопроекта об общих началах государственной молодежной политики, принятого по проекту, готовившемуся под руководством И. М. Ильинского), подчеркивал, что субъектность молодежи не появляется сама собой, она формируется по мере самоидентификации, самоосознания своих интересов, роста своей организованности. Основу его теории составляет следующее положение: «Отношение к молодежи как к субъекту, прежде всего, а не как к объекту, только или, прежде всего, как это было и есть пока практически во всех странах мира, — вот главный смысл перемен в концепции молодежи, которая должна произойти»¹.

В концепции Е. Л. Омельченко культурная нормализация молодежи означает не определение какой-либо черты самой молодежи, а противодействие присутствующих в молодежных исследованиях ее проблематизации и юсизму (т. е. представлению молодежи как единой и гомогенной группы). Омельченко подчеркивает, что «молодежь вовсе не является гомогенной и отдельной от взрослого мира группой. В своих ценностях, установках, практиках она отражает (принимая, сопротивляясь или используя) всю палитру взрослых

¹ Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. М., 2001. С. 115.

отношений»². Из этого утверждения следует важная черта социокультурной субъектности молодежи, а именно понимание ее не как сопутствующего средства взросления, которое можно человеку, уже признанному взрослым, обойти, или отнестись к нему снисходительно, или поставить под свой контроль и заставить исполнить по принятым правилам, а как сущность самой молодежи, проявляемую повсеместно и по любому поводу. Под культурной нормализацией в концепции Омельченко понимается «введение в описание молодежного вопроса идеологически и морально нейтральных терминов и рассуждений. Нейтральность в данном контексте — это свобода от властно-взрослых стереотипов, дискриминирующих молодежную субъективность, отказ от модальных оборотов “поколенческого долга и ответственности” за будущее нации и государства, от обобщенно-абстрактной унификации молодежи, исключаящей ее из значимых для нее социально-культурных групп, с которыми у нее не меньше общего, чем со сверстниками»³. Притом, что данное положение касается исследователей, оно методологически значимо для самой трактовки молодежи в ее связи с социокультурной субъектностью.

В рискологической теории молодежи Ю. А. Зубок риск признается сущностной характеристикой молодежи, а сама эта характеристика в одном из пунктов предполагает, что риск выступает мерой противоречия «между объективной и субъективной формами существования самого риска»⁴. Причем субъективная форма в данном случае связывается с деятельностью субъекта. Это важный ключ к пониманию социокультурной субъектности молодежи: ее освоение содержит риск не как сопутствующее «зло», а как реализацию в действии атрибутивного свойства молодежи.

Сопоставление с названными и другими теориями молодежи позволяет в тезаурусной концепции молодежи трактовать освоение и присвоение молодежью социокультурной субъектности как ее атрибут, ведущее свойство, характеризующее подход к выделению этой социальной группы в данной разновидности субъектно-ориентированной социологической теории.

На этом постулате строится методология тезаурусного подхода в применении к исследованию социокультурной субъектности молодежи. Она основывается на выведении на передний план конструирования и проектирования социальной реальности молодежью и предусматривает выстраивание общей схемы этих действий; признания в качестве особенности молодежной среды совмещение нескольких тезаурусных генерализаций (структурирование тезауруса вокруг ядра, каким выступает культурная картина

² Омельченко Е. Л. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск, 2004. С. 19.

³ Там же. С. 20.

⁴ Зубок Ю. А. Риск как фактор социального развития молодежи : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2003. С. 214.

мира, в нескольких вариантах), которое ведет к гиперболизации актуальной генерализации в данных условиях; различении новационных свойств, инновационного потенциала и инновационных возможностей молодежи. В конечном счете этот путь предполагает понимание молодежи как сегмента и активного участника социокультурной жизни в опоре на «понимающую социологию» М. Вебера и ее последующие интерпретации.

В главе 2 **«Социокультурная субъектность российской молодежи»** рассматриваются особенности социокультурной субъектности в российских условиях; показаны молодежное движение, молодежные субкультуры, солидарности как выражение социокультурной субъектности российской молодежи; новые условия социализации в современном российском обществе.

Социокультурная субъектность российской молодежи формируется в условиях, которые лишь частично совпадают с европейско-американским культурным конструктом, получившим широкое распространение в мире под воздействием глобализации. В этом отношении отличаются не только ценностные представления, но и способы, и контексты их освоения. В диссертации показано, что складывавшиеся в России на протяжении веков культурные традиции на стыке большого числа наций и народностей, целые периоды, отделенные от миграционных процессов за пределами этого союза, определили специфику социокультурной субъектности российской молодежи, проявлению ею «дикости» (как свойства некультурности в ракурсе современного молодежи общества) и «инновационности» (как свойства создавать новое и внедрять его в общественную жизнь). Если социокультурная субъектность детей ограничена социальными нормами, то молодежь, не связанная в такой же степени ими, опирается на широкий спектр субъектных ориентаций, взаимодействующих в российском обществе и отражающих контраст в социально-экономической, политической, культурной, духовной сферах (богатство-бедность, единство государственной системы — политический плюрализм и недоверие населения к партиям, религиозность-атеизм и т. д.). Исторический путь России (в том числе и наличие крепостного права, его отмена и специфика развития капитализма, изменение социального строя и культурных приоритетов в Советской России, реставрация капитализма в 1990-х годах и сопутствующие перемены в системе ценностей) отразился на социокультурной субъектности российской молодежи.

Опыт России показал, что освоение социокультурной субъектности и сопутствующие этому процессы становления идентичности могут разворачиваться в существенно разные временные интервалы и зависеть от внешних условий, в том числе проектируемых с определенными целями. Так, феномен молодежных городов (обычно сопровождавший строительство гигантов индустрии и предполагавший преимущественно молодежный состав

населения, занятого на таких стройках, — Братск, Набережные Челны, Нижневартовск и др.) решительно ускорял процессы обретения молодежью социокультурной субъектности и выстраивал идентичность с ответственными должностями вне фактора возраста.

Период реставрации капитализма в его начальных формах в стране с длительным опытом поддержания и развития социализма не породил, тем не менее, активного протеста в молодежной среде, наблюдался парадокс низкой активности молодежных действий на фоне предельно высоких показателей социального неравенства и нарастающей социальной напряженности, что связано с особенностями освоения социокультурной субъектности молодежью при значительном расширении для нее инновационных возможностей. В этом ракурсе проанализированы, в частности, данные студенческих эссе и анкет, присланных в связи с проведением отбора желающих сформировать и проявить свою субъектность в политической сфере и демонстрирующих нормативно принятые итоги социализации, даже если они расходились с отношением к политическим реальностям. Другой аспект показан на материале опросов и анализа документальных источников в среде курсантов высших образовательных организаций МВД, где закрытый характер военизированных организаций способствует формальному преодолению ситуаций высокой степени напряжения, что отражается и на формировании социокультурной субъектности обучающейся в таких условиях молодежи.

В диссертации с учетом противоречивого характера воздействия на общество рассмотрены феномены молодежного движения как способа самостоятельного участия молодежи в процессе смены и преемственности поколений. Молодежное движение выражает видимую сторону обретения молодежью социокультурной субъектности, а в аспекте тезаурусов связано, прежде всего, с его сверхориентационными функциями. Формы молодежного движения при всех их различиях опираются на самостоятельность молодежи в этой «зоне независимости», что выявляется и в молодежном движении начала XX века, и в растущих до многомиллионного членства союзах молодежи в послевоенных странах народной демократии (Болгария, ГДР, Чехословакия и др.), и в молодежных субкультурах, получивших развитие в разных странах в 1960–2000-е годы, и в «солидарностях», формирующихся в условиях распространения в мире новых средств индивидуальной коммуникации в начале XXI века.

Проявление субъектных начал в ракурсе молодежных движений, какими они предстают в крупных союзах молодежи, во многом определявших социальный и культурный портрет XX века, показан на материале советского комсомола. Установлено, что подобные союзы могут эффективно развиваться и реализовать свои задачи только в определенных исторических условиях,

которые в начале XXI века уже для большинства стран стали неактуальными. Процессы в комсомоле — единой и единственной молодежной организации СССР, противоречиво сочетавшие высокие героические начала и соответствовавшие им ценностные ориентации, с одной стороны, и формализм, с другой, вели к ограничению других форм молодежного движения, которые подавлялись и редко становились предметом социологического анализа (исключение составляли исследования С. И. Плаксия, Е. А. Гришиной и некоторые другие). В этом отношении рассмотрены молодежные субкультуры, ставшие популярными в постсоветской России и обстоятельно изученные в разных контекстах (Л. А. Гегель, С. И. Левикова, Е. Л. Омельченко, В. А. Лапшин и др.).

В диссертации показано, что картина молодежных субкультур в России и их источники не похожи на соответствующие картину и источники в странах американско-европейского культурного ареала. Особенность российских молодежных субкультур составляет их малая связь с западными образцами (в традиционном для них смысле), что предопределяют: 1) социальная и экономическая неустойчивость российского общества в 1990-е годы и обнищание основной части населения; 2) специфика социальной мобильности в российском обществе; 3) аномия в части нормативно-ценностных оснований, которые были необходимы в постсоветском обществе для поддержания его целостности. Для российских молодежных субкультур, при заимствовании некоторыми из них образцов в порядке запоздалого подражания Западу, все же сохраняют свое значение ранее утвердившиеся черты, а именно: криминализация, романтическая компенсация социальной напряженности и однообразия будней, идентичность с советским прошлым. Применительно к анализируемому освоению молодежью социокультурной субъектности включение в те или иные молодежные субкультуры, как и в другие формы реального действия, ускоряют и делают более определенным этот процесс, поскольку такое включение предполагает ситуацию выбора.

Рассмотрены также «солидарности» (термин, введенный в отечественную социологию Е. Л. Омельченко) как выражение социокультурной субъектности российской молодежи в обществе, становящемся в некоторых аспектах информационным, сетевым, цифровым.

В диссертации показано, что концептуализация молодежи в рамках тезаурусной теории потребовала коррекции ряда категорий, в том числе укрепления социологических аспектов социализации. Такие дополнения к теории социализации в социально-психологическом ключе (И. С. Кон, Г. А. Андреева) и собственно в ключе социологии (А. И. Ковалева) состоят в утверждении следующих пунктов:

1. В рамках социализационного процесса индивидуальные тезаурусы строятся из тезаурусных конструкций, уже существующих, но не обязательно активизированных в данном обществе; эти конструкции позже могут стать снова неактуальными и в социализационном процессе уйти в тень, но не исчезнуть окончательно. В подтверждение этого положения в диссертации представлены данные мониторингового исследования «Российский вуз глазами студентов», проводившегося в ряде регионов России в 2000–2009 гг., в части, фиксирующей отношение студенческой молодежи к концепту (в смысле тезаурусной теории) «хорошая жизнь». Ценностные ориентации на материальную обеспеченность, присущие большинству студентов, отражают изменения в обществе в 1990-е годы; они постепенно отходят с лидирующей позиции в пользу ценностных ориентаций на хорошую семью, здоровье, любовь («любить и быть любимым»), хорошую работу. Использование концептного ряда в этом случае благодаря неконкретности и поливалентности (хорошее общество, хорошая семья, хорошая работа) выявляет студенческую ориентацию на тезаурусные конструкции, а не на факты реальных жизненных ситуаций. При этом по распределению позиций, выражающих ценностные ориентации «хорошей жизни» у студентов государственных и негосударственных (частных) вузов, практически не различаются.

2. В обществе сосуществуют тезаурусные конструкции, иногда отражающие противоположные системы ценностей; возможно выстраивание тезауруса, сочетающего эти противоположности и субъективно единого (феномен кентавра в терминологии Ж. Т. Гощенко), что и определяет результативность социализации. Данная позиция подтверждается выявлением амбивалентности по отношению к насилию в исследовании «Молодежь», проводившемся с 1995 г., и данными в исследованиях «Российский вуз глазами студентов» (2000–2009 гг.) относительно сочетания ориентации на патриотизм, с одной стороны, и намерением значительной части студентов уехать на работу за границу после окончания вуза в случае заключения выгодного контракта (50% в 2007 г. по группе государственных вузов). Само намерение покинуть навсегда родину по соображениям материальной выгоды в 2000-е годы стало высказываться все чаще. Однако намерение еще не означает действия. В аспекте сосуществования тезаурусных конструкций каждая их высказываемых позиций не является конформистской и не прикрывает субъектного взгляда на мир нормативным высказыванием. В данном случае наблюдается феномен кентавра, отнесенный к молодежи в переходном обществе с характерными признаками аномии (в трактовке Э. Дюркгейма).

3. Актуализация и утеря актуальности сосуществующих (в том числе в режиме «общественного безразличия») тезаурусных конструкций определяются направленностью общества на цели самосохранения и эволюционного развития

либо перерыва этого развития революционным путем, а также субъективным определением ситуации (в трактовке У. А. Томаса и Ф. Знанецкого). Социализационные аспекты имеют возникающие в разных и динамически меняющихся социальных условиях неконтактные социальные общности, т. е. общности, связанные общими ценностями и культурными картинами мира при территориальной и профессиональной несвязанности за счет ориентации на одни и те же источники ценностной информации. Это, в частности, показало исследование читателей журнала «Смена», где новые читатели, не имевшие соответствующих социальных и культурных практик предыдущих десятилетий, в ценностном смысле вошли в неконтактную группу, ориентированную на определенную культурную картину мира.

4. Социализационные практики, формируемые в режиме повседневности или вытекающие из особенностей переходных эпох, а также в ситуации переломных исторических событий, обеспечивают передачу всего многообразия тезаурусных конструкций, но с разной степенью реализации в данных общественных условиях. В частности, в молодежной среде сохраняется в различных общественных условиях (временных, территориальных, возрастных, профессиональных) ожидание от результативности массовых молодежных организаций, подобных комсомолу, хотя этой организации и соответствующих социальных практик в России нет несколько десятилетий. Данные ожидания постепенно утрачивают политическую окраску и соотносятся с «рынком социальных услуг для молодежи», понимаются как компенсация функций внеучебной работы, некогда осуществлявшихся пионерской организацией и школьным комсомолом.

5. Вторичная социализация обеспечивает освоение молодежью социокультурной субъектности в соответствии с тезаурусами профессиональных сообществ. Эта кумулятивно проектируемая субъектность составляет основную задачу образовательных организаций. Эмпирические исследования в студенческой среде, в частности, проведенные в Московском гуманитарном университете в 2004–2019 гг., показывают, что обучающимися и выпускниками образовательных организаций осваиваются в наибольшей степени те «знания, понимание, умения» (формула И. М. Ильинского, противопоставленная распространенным ЗУНам — «знание-умение-навыки»), которые выдвигаются перед ними потенциальными работодателями. В условиях широкого распространения контактов молодежи в сетях все определеннее вторичная социализация связывается с практиками бизнес-сообществ, с маркетинговыми мероприятиями в сетях, PR акциями и т. д. Так, определенные виды ивентов (от англ. event — событие), в частности, бесплатные тренинги и семинары, праздничные ивенты, организуемые фирмами, своими основными участниками имеют молодежь (как за рубежом, так и в России), исходя из прагматической

цели с ее помощью — более активное поведение в сетях — повысить реализуемость своих товаров и услуг.

С учетом эмпирических данных исследований по трудовой социализации подростков и жизненным путям «детей улиц» соискатель показывает, что социализация в каждый данный исторический момент не зависит только от наличных условий, от присущих данной эпохе образцов поведения и мышления и т. д. В одной ситуации могут взаимодействовать тезаурусные конструкции, бывшие приоритетными в разные времена, нередко отделенных столетиями, у разных народов, частью уже не существующих, либо конструкции, отражающие в исторической памяти те или иные события, процессы, идейные установки. Представители младших возрастных групп, в силу обстоятельств (исторических, захватывавших большие массы людей, или индивидуальных, связанных с неблагоприятными/благоприятными переменами в семье, другой общности «значимых других»), быстро взрослеют, их картины мира могут, как показали исследования «детей улиц», строиться на ценностях материального благополучия, точном представлении о деньгах, стоимости товаров и пр., но не включать обычные для их возраста ценности (волшебные сказки, Дед Мороз и др.). Из этого противоречия в отражении реальностей и принятых в обществе социализационных норм исходит тезаурусная концепция социализации в части выявления специфики становления социокультурной субъектности молодежи.

Глава 3 **«Биосоциология молодежи в аспекте ее социокультурной субъектности»** содержит трактовку биосоциологии, отличающуюся от социобиологии в версии Э. О. Уилсона и его последователей; показывает проблему киборгизации в замысле и реальности молодежных субкультур и солидарностей; на материалах эмпирических исследований характеризует позитивные и негативные стороны отношения российской молодежи к биомедицинским технологиям «улучшения» человека будущего.

Для биосоциологии, выявляющей те стороны социальной жизни, которые непосредственно связаны с биологической природой человека, наряду с тематикой гендера, возрастных, этнокультурной различий людей, важны также вопросы взаимодействия человека и человечества с результатами их творчества в технике, науке, технологиях, искусстве, приобретающими независимое от них существование, нередко враждебное или неясное по своим последствиям для жизни на Земле.

В диссертации в контексте биосоциологии выявлены и осмыслены возможные трансформации общества под воздействием изменений в его молодежном срезе на индивидуальном и социально-групповом уровнях. Соответственно, делается вывод о постепенном снятии барьеров для проявления молодежью своих естественных свойств («дикость» и «инновационность»), что для общества может иметь противоречивые

последствия. Эти последствия, утверждается в диссертации, могут быть спрогнозированы с применением гуманитарной экспертизы и осмыслены в аспекте изменения статуса-роли молодежи в будущем обществе.

С учетом трактовки «улучшенного» человека в трансгуманизме показана идея и практика киборгизации как преодоления человеком своей природы и как соответствующая установка социокультурной субъектности, разделяемая определенной частью молодежи и составляющая ориентацию на будущее для некоторых молодежных субкультур и солидарностей. Эта ориентация фиксируется как замысел и реальность на материале, полученном в ходе социологического исследования в среде российской студенческой молодежи. Особое внимание обращено на эксперименты некоторой части молодежи с телесностью, которые могут рассматриваться в рамках молодежных субкультур, но по сути являются биосоциальным феноменом, проявляющим одну из возможностей освоения социокультурной субъектности в действии. В этом отношении практики «бодимодификейшн» поддерживают суть рискологической концепции Ю. А. Зубок, исследования в этой области в разных странах (Л. Джонсон, К. Уолас, Л. Махачек, У. Нэйгел, К. Робертс и др.). В аспекте освоения социокультурной субъектности важно, что они поддерживаются значительной частью молодежи как интересный и даже «забавный» опыт, но без желания применить такие действия к себе, в том числе и в аспекте выстраивания самоидентичности.

Соответственно охарактеризованы социальные ожидания и опасения в молодежной среде российских городов от развития технологий «улучшения» человека. В основе лежит проведенное в 2016–2018 гг. под руководством диссертанта эмпирическое исследование (в форме анкетного опроса) среди студенческой молодежи в Анадыре, Белгороде, Братске, Екатеринбурге, Иркутске, Кызыле, Москве, Новосибирске, Орле, Элисте, Якутске; в опросе, таким образом, участвовали представители молодежи различных регионов России, различных культурных традиций (включая и принятые в регионе религиозные ориентации), разных дистанций от культурных центров — и европейских, и азиатских. Возможные изменения в природе человека в трактовке трансгуманизма (идеал постчеловека) определяли содержание вопросов, одинаковых для выделенных в рамках целевой выборки двух групп респондентов — одна представляла нынешних и будущих биологов и медиков, которым предстоит нести ответственность за реальные действия по «улучшению» человека, другая группа не имела по роду профессии, уже осуществляемой и приобретаемой в вузе, прямой связи с разработкой и назначением человеку соответствующих био- и медицинских препаратов и технологий. Данные показали, что в вопросах, касающихся перспектив «улучшения» человека, нет особой разницы между ответами двух групп

студентов при существенном различии источников информации и профессиональной связи со здоровьем человека. Распределение характеризуется положительными выборами (ответ «да») в следующих объемах: улучшение тела имплантами (киборгизация) — 43,4%, преодоление половых различий (бесполость) — 10,9%, искусственное размножение — 32,1%, распределение сознания и личности человека в нескольких телах — биологическом и технологическом (распределенная индивидуальность) — 23,6%, достижение неограниченного долголетия — 45,0%. Таким образом, значительная часть молодых людей признают перспективными киборгизацию, достижение неограниченного долголетия; но относительно невелика доля поддерживающих такие признаки постчеловека, как искусственное размножение, распределенная индивидуальность, преодоление половых различий (бесполость). Исследование показало, что неперспективными признаются большинством молодежи те изменения в природе человека, которые противоречат традиционным ценностям российского общества (т. е. тем ценностям, где имеется консенсус разных по социокультурным ориентациям народов).

Проблемы «улучшения» человека, касающиеся достижения бессмертия (иммортализм), использования искусственного интеллекта, развития биомедицинских аспектов нанотехнологий, по мере продвижения от замысла к реальным действиям становятся молодежными проблемами, еще не выделяющимися в качестве таковых в теориях молодежи.

В главе 4 **«Социальные механизмы проектирования ожидаемой социокультурной субъектности молодежи»** рассматриваются в аспекте социальной динамики культуры воспитание, а также проектирование государственной молодежной политики в целях поддержания преемственности и инноваций в культуре и социальной жизни.

Социальные механизмы преемственности и инноваций в культуре, как показано в диссертации, соответствуют признакам общественных изменений в молодежной среде. Развитие новых информационных и коммуникационных технологий, в освоении и повседневном применении которых приоритет принадлежит молодежи, порождает новые черты современного общества в аспекте социальной динамики культуры: усиление роли социокультурных факторов организации общества по сравнению с экономическими; снижение роли иерархических способов общественного управления при повышении роли сетей, выражающих горизонтальные связи; внедрение виртуальности в разделяемые основной частью общества картины мира, субъективное исчезновение пространства и времени; глобализация социальных и культурных процессов и т. д.

В контексте социодинамики культуры концепции современного общества не могут оставаться построенными по англо-американской модели, которая сложилась вокруг процессов в экономике и отражает поступательные изменения в науке и технике (в информатике, электронике, создании и использовании новых материалов, искусственного интеллекта, нанотехнологий, биомедицинских технологий и т. д.). Культуроориентированная модель более приемлема, но она не может быть единообразной, даже с учетом процессов глобализации, захвативших и культуру. Тезаурусный подход, опирающийся на социокультурную субъектность, позволяет увидеть в разнообразии культурных кодов единство современного общества. Это общество сочетает такие характеристики, как: новые перспективы становления («образовательная революция» в версии И. М. Ильинского); новые перспективы равноправия: неравенство, противостоящее социальной стабильности; новые перспективы идеологии: плюрализм, противостоящий ведущей идеи, объединяющей людей; новые риски и вызовы. Оно имеет признаки «молодеющего» общества — т. е. общества неопределившегося, идущего на эксперименты с непонятным финалом, нуждающегося в гуманитарной экспертизе как дискурсе о будущем, где нет заранее правых и неправых, где стратегия воспитания заранее не определена, но тесно связана с перспективами общества, теми культурными картинами мира и человека в нем, которые получают все большее признание, не будучи бесповоротными и неоспоримыми. В этой параллели современного общества с преемственностью и сменой поколений в диссертации представлена перспектива развития тезаурусной концепции молодежи в ключе ее практической связи с сосуществующими парадигмами воспитания. Рассмотрение парадигм (1) авторитарного воспитания, (2) природосообразного воспитания, (3) воспитания с опорой на коллектив сверстников показано в противопоставлении с отражающей противоречивые процессы в современном обществе парадигмой (4) выживания в обществе неопределенности и риска.

В отношении парадигмы (4) показано, что в неопределившемся обществе, в том числе российском, происходят существенные изменения и в идентификации молодежи, признаки которых связаны со стремлением опираться на свои силы, критическим отношением к будущему (в том числе в прикладном смысле к раннему выбору профессий, активному поведению на рынке труда, исключая профессии, рожденные научно-техническим прогрессом, где молодежь проявляет больше уверенности), включением в прекариат — класс, характеризующийся социокультурной нестабильностью, длительным пребыванием в поре ученичества, временной занятости, несоответствием высокого уровня образования качеству предоставляемых рабочих мест, негарантированностью справедливой оплаты за труд и т. д.

(к составу прекариата П. Штомпка, Ж. Т. Тощенко относят, среди прочих, студентов, стажеров, т. е. лиц молодежного возраста).

В диссертации раскрывается в аспекте социологии культуры и такие феномены, свидетельствующие об идентификационных изменениях в современном обществе и затрагивающие идентификацию молодежи, как кидалты и «дети-индиго». Эти феномены выявляют полярные признаки изменений в идентификации современной молодежи.

В ключе регулируемых государством и обществом в целях поддержания преемственности и инноваций в культуре социальных механизмов проектирования социокультурной субъектности молодежи осмысливается в диссертации и дальнейшее развитие государственной молодежной политики. Проанализированы проекты концептуальных документов и принятые на федеральном уровне в России концепции государственной молодежной политики, в том числе показаны тупиковые направления ее развития. На материале исследований по развитию детского движения Москвы показана исходная платформа для определения стратегии государственной молодежной политики, исходя из утверждения, что две ветви движения, основанные на реализации молодежью осваиваемой социокультурной субъектности (детское общественное движение и молодежное общественное движение) не могут базироваться на разных группах принципов и разном ожидании от проведения соответствующей политики государства.

Утверждается, что в государственной молодежной политике тематика воспитания займет возрастающее место, при этом из сформированных раньше и формируемых в настоящее время подходов к воспитанию основной станет парадигма, которая основывается на формировании социокультурной субъектности молодежи в коллективе сверстников. В этой связи рассмотрены парадигмы воспитания, воспитательное воздействие которых учитывает фактор становления молодежи через освоение социокультурной субъектности.

Выявлено, что в американско-европейском представлении о российской молодежи, ее проблемах и о задачах государственной молодежной политики в России представлено иное видение по этим вопросам, чем имеется у большинства отечественных исследователей молодежи. Этот вывод подкреплен, в частности, анализом подготовленного Тематической группой ООН по молодежной политике обзора литературы «Молодежь в России» (2010 г.), где сформулированы задачи ООН по влиянию на российские органы государственной власти в связи с проблемами свободы сексуальных меньшинств, легализации однополых браков, развития молодежных субкультур и т. д., а также рекомендуются темы, которые должны быть приоритетными в молодежных исследованиях.

В диссертации молодежь через ее природные свойства, распространенные в ее среде тезаурусы, ее символический и предметный мир (что отражает представление о социокультурном явлении, идущем от П. А. Сорокина) показана в связи с утверждающимся к ней в российском обществе отношении в формах государственной молодежной политики, с одной стороны, и неформальных практиках, с другой. Это позволяет видеть проявление молодежью осваиваемой социокультурной субъектности и целенаправленно воздействовать на данный процесс, учитывая воздействие других социальных сил. Становление социальной динамики культуры в современном обществе с учетом молодежного фактора, соответственно, необходимо трактовать как основу тезаурусной концепции молодежи и в теоретико-методологическом, и в практически-прикладном отношениях.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, в том числе утверждается, что социокультурные основания субъектности российской молодежи проявляется в единстве общественных и культурных условий, определяющих социализацию и повседневность молодежи, освоение ею социализационных норм, что, в конечном счете, ведет к формированию идентичности со своим народом и с Россией в целом. Важной составляющей этих оснований является наличие форм молодежного движения (организации, субкультуры, солидарности), позволяющих в коллективных формах осваивать социокультурную субъектность. В исследовании показано, что социокультурная субъектность имеет на практике разную степень освоенности и неоднозначность проявлений в молодежной среде, что влияет на направленность и динамику социокультурных изменений в России. Всем этим подтверждается верность выдвинутой гипотезы, а также актуальность тезаурусной концепции молодежи, построенной на положении о ведущем свойстве молодежи, состоящем в освоении и присвоении ею социокультурной субъектности, т. е. свойства принимать решения и действовать, опираясь на сформировавшиеся под воздействием бесчисленных и разнонаправленных социализационных влияний, устоявшихся в определенных кругах представлений о прошлом, настоящем и будущем, на культурные картины мира.

Тезаурусная социология, относящаяся к числу субъектно-ориентированных социологических концепций, не отделена методологическими барьерами от социологии, исходящей из объективности всего, что называется обществом. Она не противопоставлена другим направлениям в социологии. Напротив, в глубинах науки об обществе, исторических перипетиях, определивших становление и развитие социологии, она черпает свое содержание и свои формы, перерабатываемые в ракурсе тезаурусного подхода. Но она делает акцент на социокультурной субъектности как атрибуте социального

и гуманитарного знания, что означает стремление к переориентации в этом направлении и общей социологии.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих изданиях:

***Публикации в рецензируемых изданиях, рекомендованных
Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего
образования Российской Федерации***

1. Луков Вал. А. Применимость тезаурусного подхода в философии и социологии культуры, культурологии и в других социальных и гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. — 2019. — № 2. — С. 175–183. DOI: 10.17805/zpu.2019.2.16 (0,6 п. л.)

2. Луков Вал. А. Феномен «знания-понимания-умения»: институционализация и социокультурное значение // Знание. Понимание. Умение. — 2019. — № 1. — С. 33–52. DOI: 10.17805/zpu.2019.1.2. (1,5 п. л.)

3. Луков Вал. А., Луков С. В. Комсомол-100: социологическое исследование об исторической памяти российской молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. — 2018. — Т. 13. — № 5. — С. 14–29. (1,0/0,5 п. л.)

4. Луков Вал. А. Трансгуманизм // Знание. Понимание. Умение. — 2017. — № 1. — С. 245–252. DOI: 10.17805/zpu.2017.1.20 (0,5 п. л.)

5. Луков Вал. А. Голем, Робокот и другие: российская молодежь о киборгах // Знание. Понимание. Умение. — 2017. — № 2. — С. 42–55. DOI 10.17805/zpu.2017.2.3 (1,0 п. л.)

6. Луков Вал. А. Проблемы понимания и воспитания // Знание. Понимание. Умение. — 2017. — № 3. — С. 31–47. DOI: 10.17805/zpu.2017.3.3 (1,2 п. л.)

7. Луков Вал. А. Проекты «улучшения» человека: что об их необходимости и последствиях думает российская молодежь? // Знание. Понимание. Умение. — 2017. — № 4. — С. 117–133. DOI: 10.17805/zpu.2017.4.9 (1,4 п. л.)

8. Ильинский И. М., Луков Вал. А. О перспективах развития организованного молодежного движения в России // Знание. Понимание. Умение. — 2016. — № 1. — С. 5–28. DOI 10.17805/zpu.2016.1.1 (1,6/0,8 п. л.)

9. Луков Вал. А. Скрытая этнография // Знание. Понимание. Умение. — 2016. — № 3. — С. 318–321. DOI 10.17805/zpu.2016.3.26 (0,4 п. л.)

10. Луков Вал. А. Оценки молодежи неперспективных трансгуманистических технологий изменений человека // Знание. Понимание. Умение. — 2016. — № 4. — С. 115–123. DOI 10.17805/zpu.2016.4.9 (0,7 п. л.)
11. Луков, Вал. А. Воспитание // Знание. Понимание. Умение. — 2015. — № 3. — С. 332–340. DOI: 10.17805/zpu.2015.3.29 (0,5 п. л.)
12. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Методология тезаурусного подхода: стратегия понимания // Знание. Понимание. Умение. — 2014. — № 1. — С. 18–35. (2,0/1,0 п. л.)
13. Луков Вал. А. Тезаурусный подход и теория функциональных систем // Управление мегаполисом. — 2014. — № 5. — С. 7–17. (0,8 п. л.)
14. Колин К. К., Луков Вал. А. Новый этап развития информационной науки // Знание. Понимание. Умение. — 2013. — № 3. — С. 8–12. (0,5/0,25 п. л.)
15. Ковалева А. И., Луков Вал. А. Социализация: социально-философский, социологический и социально-психологический аспекты понимания // Философия и культура. — 2012. — № 3. — С. 27–35. (1,0/0,5 п. л.)
16. Луков Вал. А. От экспертизы социальной к гуманитарной экспертизе // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 1. — С. 114–118. (0,5 п. л.)
17. Луков Вал. А. Биосоциология молодежи: экспертные оценки изменений в новых поколениях // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 3. — С. 146–156. (1,0 п. л.)
18. Луков Вал. А. Будущее молодежи в обществе будущего // Человек. — 2012. — № 4. — С. 38–48. (0,9 п. л.)
19. Луков Вал. А. Биосоциология молодежи: экспертные оценки изменений в обществе, связанных с увеличением продолжительности жизни // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 4. — С. 77–83. (0,7 п. л.)
20. Луков Вал. А. Биосоциология // Знание. Понимание. Умение. — 2011. — № 3. — С. 319–323. (0,3 п. л.)
21. Луков Вал. А. Ювентизация // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 1. — С. 255–256. (0,2 п. л.)
22. Луков Вал. А. Теории молодежи: апология их неисчерпаемости // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 2. — С. 58–65. (0,7 п. л.)
23. Луков Вал. А. О свойствах междисциплинарности (к развитию теорий молодежи) // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 3. — С. 30–42. (1,2 п. л.)
24. Луков Вал. А. Молодежь в свете перспектив человека и общества // Знание. Понимание. Умение. — 2008. — № 1. — С. 21–30. (0,7 п. л.)
25. Луков Вал. А., Гневашева В., Захаров Н., Луков Вл., Луков С., Намлинская О. Социальные и культурные ценностные ориентации молодежи //

Alma mater : Вестник высшей школы. — 2008. — № 2. — С. 46–56. (1,2/0,2 п. л.)

26. Луков Вал. А. Студент и его вуз: данные мониторинга // Alma mater: Вестник высшей школы. — 2006. — № 4. С. 21–24. (0,3 п. л.)

27. Луков Вал. А. Студент и его вуз: данные мониторинга // Социология образования. — 2006. — № 12. — С. 34–36. (0,2 п. л.)

28. Луков В. А. Особенности молодежных субкультур в России // Социологические исследования. — 2002. — № 10. — С. 79–87. (1,0 п. л.)

***Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных
в международные базы данных Scopus и WoS***

29. Луков Вал. А. Российская молодежь о биотехнологических проектах «улучшения» человека // Социологические исследования. — 2018. — № 4. — С. 73–81. (0,7 п. л.)

30. Ильинский И. М., Луков Вал. А. Феномен комсомола и современные тенденции развития молодежного движения в России // Социологические исследования. — 2018. — № 10. — С. 44–53. DOI: 0.31857/S013216250002157-5 (0,8/0,4 п. л.)

31. Lukov V. A. The Conceptualization of Young People in the Twenty-First Century: New Ideas and Approaches // Russian Education and Society. — 2013. — Vol. 55, No. 4, April. — P. 3–24. (Armonk NY, USA) (1,0 п. л., на англ. яз.)

32. Луков Вал. А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социологические исследования. — 2012. — № 1 (333). — С. 5–16. (1,1 п. л.)

33. Луков Вал. А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы : [статья 2] // Социологические исследования. — 2012. — № 2 (334). — С. 21–30. (1,0 п. л.)

34. Луков Вал. А. «Улучшение» человека как молодежная проблема // Epistemology & Philosophy of Science. — 2016. — Т. XLVIII, No. 2. — Pp. 45–50. (0,4 п. л.)

Монографии

35. Луков Вал. А. Тезаурусная социология : в 4 т. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2018. — Т. 1. — 608 с. (38,0 п. л.)

36. Луков Вал. А. Тезаурусная социология : в 4 т. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2018. — Т. 2. — 576 с. (36,0 п. л.)

37. Луков Вал. А. Тезаурусная социология : в 4 т. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2018. — Т. 3. — 608 с. (38,0 п. л.)

38. Луков Вал. А. Тезаурусная социология : в 4 т. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2018. — Т. 4. — 640 с. (40,0 п. л.)
39. Луков Вал. А., Погорский Э. К. Информационное общество и молодежь. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. — 160 с. (10,0/5,0 п. л.)
40. Луков Вал. А. Биосоциология молодежи: теоретико-методологические основания [Электронный ресурс] / Вал. А. Луков. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. — 430 с. URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2013/monographs/Lukov_Biosociology-of-Youth.pdf (27,0 п. л.)
41. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. — М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008. — 784 с. (49,0/24,5 п. л.)
42. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы II : Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. — М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2013. — 640 с. (40,0/20,0 п. л.)
43. Луков Вал. А. и др. Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений (Электронный ресурс) / под общ. ред. Вал. А. Лукова. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. — 718 с. URL: <http://hdrussia.ru/assets/files/Books/State-Youth-Policy.pdf> (44,9/4,5 п. л.)
44. Луков Вал. А. Теории молодежи : Междисциплинарный анализ. — М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2012. — 528 с. (42,57 п. л.)
45. Луков Вал. А., Тихомиров Д. А. Добрачные сексуальные отношения молодежи: дилемма социальной нормы и отклонения. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. — 188 с. (11,75/5,8 п. л.)
46. Луков Вал. А. К теории социальных общностей. 2-е изд., испр. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. — 80 с. (5,0 п. л.)
47. Луков Вал. А. Воспитание и глобализация: Проблемы социологии воспитания. — М. : Флинта : Наука, 2007. — 144 с. (8,8 п. л.)
48. Lukov Val. (ed.) Social and Cultural Value Orientations of Russian Youth: The Theoretical and Empirical Researches. — Moscow–Innsbruck : Moscow Univ. for the Humanities, 2007. — 72 p. (4,5/0,9 п. л., на англ. яз.)
49. Łukov Wal. Problemy wychowania w społeczeństwie globalnym. — Olsztyn : Wyższa szkoła inf. i ekon., 2007. — 88 s. (5,5 п. л., на польск. яз.)
50. Ильинский И. М., Луков Вал. А. Российский вуз глазами студентов: По материалам опроса студентов государственных и негосударственных вузов, май–июнь 2005 года. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — 88 с. (5,5/2,7 п. л.)
51. Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И., Луков Вал. А. Социальный контроль масс. — М. : Дрофа, 2007. — 429 с. (27,0/9,0 п. л.)

52. Луков Вал. А., Агранат Д. Л. Курсанты. — М. : Флинта : Наука, 2005. — 272 с. (17,0/8,5 п. л.)

53. Луков Вал. А., Миневи́ч Я. В. Будущие политики: Социализация студентов, ориентированных на профессиональную политическую деятельность. — М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2005. — 128 с. (8,0/4,0 п. л.)

54. Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. — М. : Социум, 1999. — 351 с. (24,4/17,0 п. л.)

***Публикации докладов и сообщений
на международных и национальных конференциях***

55. Луков Вал. А. Молодежная организация в контексте своего времени и субъективность социокультурных изменений // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 5, № 1 / под ред. С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской, Ю. А. Зубок — М. : Изд-во «Экон-информ», 2019. — 325 с. С. 36–47. (0,75 п. л.)

56. Луков Вал. А. «Улучшение» человека: возможности нормативного контроля в оценках российской молодежи // Биотехнологическое улучшение человека: социально-этические проблемы : программа и сб. тезисов. 14-ая Междунар. конференция Москва, 12–13 октября 2017 г. — М. : Социум, 2017. — 64 с. С. 42–43. (0,1 п. л.)

57. Луков Вал. А. Универсальный эволюционизм Н. Н. Моисеева и биосоциология молодежи: единство оснований // Моисеевские чтения: Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации : доклады и материалы (Москва, 26 мая 2018 г.) / под ред. А. В. Костиной, Вал. А. Лукова. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2018. — 314, [VI] с. С. 54–61. (0,5 п. л.)

58. Луков Вал. А. Воспитание в XXI веке и его научное обеспечение в свете тезаурусной методологии // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания: XIV Международ. науч. конференция, МосГУ, 14–16 декабря 2017 г. : доклады и материалы : в 2 ч. Ч. 1. / под общ. ред. И. М. Ильинского ; науч. ред. Ч. К. Ламажаа. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2017. — 597 с. С. 502–508. (0,5 п. л.)

59. Луков Вал. А. Молодежь в ситуации выбора // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения (27–28 октября 2015 г., ИФ РАН) : в 3 т. Т. 2 / под общ. ред. М. С. Киселевой. — М. : Научная мысль, 2015. — 304 с. С. 158–172. (0,9 п. л.)

60. Луков Вал. А. Развитие человека в свете биосоциологии // Высшее образование для XXI века : X Международ. науч. конференция. Москва, 14–16 ноября 2013 г. : Симпозиум «Высшее образование и развитие человека» / отв.

ред. Вал. А. Луков, Ч. К. Ламажаа. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. — С. 3–14. (0,75 п. л.)

61. Lukov V. A. State and politic assessment in health care // *Social Justice in Healthcare: Bioethics and Human Rights : UNESCO Conference. Moscow, 7–8 December 2005.* — М., 2006. — С. 195–198. (0,25 п. л., на англ. яз.)

62. Łukow W. Edukacja humanistyczna — ujęcie tezaurologiczne // *Edukacja humanistyczna: wyzwanie i rzeczywistość: Międzynarodowa Konferencja Naukowa, 14–15 września 2000.* — Szczecin, 2002. — S. 40–43. (0,3 п. л., на польск. яз.)

63. Lukov Val. Russian Youth: Theoretical and Empirical Research // Vanhala-Aniszewski M., Siilin L. (eds.). *Voices and Values of Young People — Representations in Russian Media.* — Helsinki : University of Helsinki, 2007. — Pp. 49–64. — (Aleksanteri Series, 6/2007). (0,3 п. л., на англ. яз.)

64. Луков Вал. А. «Улучшение» человека: взгляд молодежи // *Концепции постчеловека в философии и технонауке : материалы V Междунар. науч. школы для молодежи (Белгород, 19–23 мая 2016 г.) / под ред. С. М. Климовой, А. Д. Майданского.* — Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. — 245 с. С. 58–62. (0,3 п. л.)

Другие публикации

65. Луков Вал. А. Молодеющее общество: эскиз тезаурусной концепции (Электронный ресурс) // *Горизонты гуманитарного знания.* — 2018. — № 1. — С. 3–26. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/699>. DOI: 10.17805/ggz.2018.1.1 (1,5 п. л.)

66. Луков Вал. А. Социобиология или биосоциология: чем они отличаются применительно к происходящему в новых поколениях? // *Вестник Международной академии наук (Русская секция).* — 2018. — № 1. — С. 109–114. (0,6 п. л.)

67. Луков Вал. А. Социология студенчества и становление нормативно-ценностной ориентации студента в своем вузе (Электронный ресурс) // *Горизонты гуманитарного знания.* 2018. № 3. С. 3–20. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/790>. DOI: 10.17805/ggz.2018.3.1 (1,1 п. л.)

68. Луков Вал. А. Полевой и сферный подходы в гуманитарных науках (Электронный ресурс) // *Горизонты гуманитарного знания.* — 2017. — № 6. — С. 3–15. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/637>. DOI: 10.17805/ggz.2017.6.1 (0,8 п. л.)

69. Луков Вал. А. Эксперименты с телесностью: бодимодификайшн как биосоциальный феномен // *Вестник Международной академии наук (Русская секция).* — 2016. — № 1. — С. 59–63. (0,5 п. л.)

70. Луков Вал. А. Биотехнологии будущего в оценках молодежи // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 23 / под ред. Б. Г. Юдина. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2016. — 164 с. С. 132–155. (1,4 п. л.)

71. Луков Вал. А. Национальная безопасность России в сфере культуры: фактор развития гражданского самосознания и институтов гражданского общества // Социокультурные факторы национальной безопасности России : сб. науч. трудов. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. — С. 22–28. (0,4 п. л.)

72. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Субъектность как атрибут гуманитарного знания // Ученый совет. — 2014. — № 11. — С. 50–56. (0,5/0,25 п. л.)

73. Луков В. А. Проблема обобщающих оценок положения молодежи // Социологические исследования. — 1998. — № 8. — С. 27–36. (0,8 п. л.)

Подписано в печать 09.09.2019 г. Заказ №
Формат 60x84 1/16. Объем 2,5 п. л. Тираж 100 экз.
Издательство АНО ВО «Московский гуманитарный университет»
111395, Москва, ул. Юности, 5.